

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.2

Методологические антиномии «Социологии революции» Питирима Сорокина: к публикации избранных немецких рецензий на книгу (1925–1929 гг.)*

Н. А. Головин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Головин Н. А. Методологические антиномии «Социологии революции» Питирима Сорокина: к публикации избранных немецких рецензий на книгу (1925–1929 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 93–115. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.106>

Впервые публикуемые на русском языке четыре рецензии немецких специалистов Х. Мойтер (Кёльн, 1889–1964), Э. Дженни (Берлин, 1872–1939), Н. Н. Бубнова (Гейдельберг, нем. Nicolai von Bubnoff; 1880–1962), А. Мойзеля (Аахен, 1896–1960) на книгу русско-американского социолога П. А. Сорокина (1889–1968) «Социология революции» (1925, немецкое издание 1928 г.) обеспечивают теоретический контекст, позволяющий проследить некоторые существенные изменения в методологии социологии Сорокина от умеренного бихевиоризма в направлении формирования предпосылок будущего логико-смыслового метода анализа динамики социальных и культурных систем и создания основ теории социальных систем. Немецкие рецензии отличаются от американских и других реакций на книгу более глубоким обсуждением фундаментальных методологических проблем теории общества — стабильности и динамики социальных систем, их равновесия. В рецензиях противопоставляется бихевиористское определение понятий революции и реакции в сочинении Сорокина значению этих понятий в политической теории и социологии политики. Обсуждается вопрос об объективности исследования революции Сорокиным с учетом его моральных оценок революционных событий и процессов в России в контексте методологического требования отказаться от таких оценок социальных процессов и явлений. Обсуждается вопрос разработки общесоциологической теории революции с учетом различия социологического и исторического подходов к предмету. Доказано, что немецкие рецензии оказали определенное влияние на изменение методологии социологии Сорокина.

Ключевые слова: П. А. Сорокин, Х. Мойтер, Э. Дженни, Н. Н. Бубнов, А. Мойзель, социология революции, теория социальных систем, методология социологии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451.

Предварительные замечания

Возвращение наследия русско-американского социолога П. А. Сорокина (1889–1968) в современную теоретическую социологию влечет за собой повышение исследовательского интереса к научному контексту его творчества. Весьма интересны критические замечания методологического характера, содержащиеся в немецких рецензиях на книги Сорокина, в данном случае на книгу «Социология революции» (1925; немецкое издание — 1928), которые наименее изучены специалистами.

Американской дискуссии об этой книге уже уделено немало внимания. Биографом Сорокина Н. Ф. Зюевым (Сыктывкар) дана оценка шести американским рецензиям на нее [1]. Издатель собрания сочинений Сорокина В. В. Сапов (Москва) выявил восемь рецензий и включил их в соответствующий том собрания сочинений [2]. Публикуемые четыре немецкие рецензии на русском языке являются новым теоретико-методологическим материалом, расширяющим исследование и оценку социологии революции Сорокина в аспекте истории и методологии социологии. Они существенно дополняют научный контекст его творчества.

Целью данной статьи является выявление значимых методологических замечаний немецких рецензентов книги Сорокина, касающихся фундаментальных вопросов теории общества, которые при соотнесении с методологической позицией Сорокина образуют антиномии (противоречия), способствующие развитию социологического метода. Многие из них остаются и сейчас актуальными теоретическими и методологическими тезисами. Три из четырех рецензий подготовлены на немецкое издание «Социологии революции» 1928 г. и одна — на американское издание книги 1925 г. (рецензент Х. Мойтер (H. Meuter), см. Приложения, № 1).

В нижеследующие публикации рецензий не вошли краткие анонсы книги Сорокина в немецких научных периодических изданиях (см.: [3; 4]), а также критическая статья русско-немецкого философа Ф. Степуна (Дрезден) «Религиозный смысл революции» (1929). Она опубликована на русском языке. В. В. Сапов дал ей следующую характеристику: «...негативный и даже несколько пренебрежительный отзыв Ф. А. Степуна о “Социологии революции” обусловлен тем, что он не обнаружил в ней того, что хотелось бы ему обнаружить, а в результате не увидел и того, что в ней на самом деле есть» (см. подробнее: [5, с. 32–36]). Иными словами, отклик Степуна является религиозно-философской реакцией и имеет лишь косвенное отношение к методологии социологии.

Обращение П. А. Сорокина к немецкому читателю «Социологии революции» как критерий оценки методологического значения книги

Немецкие рецензии могут быть прочитаны как отклик на обращение Сорокина к читателю, предпосланное немецкому изданию книги, которое приведено (процитировано) ниже как выражающее существо его методологической позиции в 1920-е гг.

«Эта книга обращается не к теориям революции, а к ее фактам. По этой причине здесь не обсуждается множество разных теорий революции. Выводы, к которым приводит мое исследование, очень похожи на таковые великих социальных мыслителей, которые лично наблюдали революцию и непосредственно изучали революционные

явления: Конфуций, Феогид¹, Платон, Аристотель, Фукидид², Макиавелли, Гвиччардини³, Лютер, Вико, Данте, Т. Гоббс, О. Конт, Ф. Ле Пле⁴, И. Тэн⁵ — вот некоторые имена многих мыслителей и наблюдателей революции. Если сравнить мои и их выводы, то легко обнаружить сходство. Конечно, эти выводы очень отличаются от тех, которые получены поверхностными писателями, никогда не видевшими революцию и судившими о ней лишь по ее “словесным одеяниям”. Поток революционных слов, разумеется, обворожителен. Однако эти писатели забывают, что речи Тартюфа⁶ великолепны, но его презренные поступки противоречат прекрасным словам. То же самое относится к революции... В данной книге я описал, как развивается революция и в то же время предсказал развитие русской революции. После стольких лет с тех пор мне не пришлось что-либо менять в моем предсказании, потому что последующее развитие русской революции ему соответствовало. Это фактическое подтверждение является наилучшим научным доказательством верности теории. Тем самым опровергается любая спекулятивная критика незадачливых “друзей” революции. Моя особая признательность господину майору доктору Касполю⁷ за немецкое издание. Миннеаполис, США, апрель 1927 г. П. А. Сорокин» [6, S. 5].

Цитированное предисловие Сорокина к немецкому изданию тезисно выражает его научную позицию:

- 1) фактическая сторона революции важнее ее теоретического описания;
- 2) его исследование фундаментальное, стоит в одном ряду с сочинениями о революции от Конфуция и Аристотеля до Тэна и Ле Пле;
- 3) революцию изучают не по ее лозунгам, а по ее делам. Методологическим образцом тому служит метод исследования идеологий итальянского социолога В. Парето (V. Pareto), судя по термину «словесные одеяния»;
- 4) сочинение направлено против ненаучных, «поверхностных писателей» о революциях и ее «незадачливых друзей»;
- 5) выводы автора объективны и доказаны, спустя через десять лет после революции их не пришлось менять.

Публикуемые рецензии (см. Приложения) содержат критику данной научной позиции Сорокина.

Методологические вопросы в отдельных журнальных рецензиях

Рецензент Х. Мойтер затрагивает основу системной теории общества Сорокина — механизм поддержания равновесия крупной социальной (поведенческой)

¹ Феогид (Теогид) Мегарский — древнегреческий поэт второй половины VI в. до н. э.

² Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — древнегреческий историк, основатель исторической науки.

³ Гвиччардини, Франческо (1483–1540) — итальянский политический мыслитель.

⁴ Ле Пле, Фредерик (1806–1882) — французский социолог, общественно-политический деятель.

⁵ Тэн, Ипполит (1828–1893) — французский ученый и публицист, критик Великой Французской революции.

⁶ «Тартюф, или Обманщик» (1664) — комедия французского драматурга Мольера.

⁷ Касполь, Ханс (Kasspohl H., годы жизни не установлены) — переводчик и автор «Введения к немецкому изданию» «Социологии революции» П. А. Сорокина. Майор в отставке, доктор Кенигсбергского университета, переводчик и публицист, борец с так называемым культур-большевизмом в Веймарской республике (Германия, 1918–1933, формально до 1945 г.).

системы — проблема, восходящая к монографии «Система социологии» (1920), которая является одной из центральных для всего творчества Сорокина: сочинений «Социальная и культурная динамика (1937; 1941), «Общество, культура и личность» (1947), «Социальные философии в век кризиса» (1950).

Правда, Мойтер необоснованно пишет о влиянии на Сорокина психоанализа З. Фрейда, весьма популярного в немецкоязычном научном сообществе межвоенного периода, что видно по некоторому смещению терминологии в рецензиях от рефлексов (у Сорокина) к влечениям (как у Фрейда) [7]. Пусть Фрейд упоминается в сочинении Сорокина, но в данном случае на него влияют его университетские учителя (многофакторность объяснения социальных явлений по М. М. Ковалевскому) и особенно коллективная рефлексология В. М. Бехтерева. Влиятелен итальянский социолог В. Парето, но не венский врач Фрейд, не использовавший статистику, что, по Сорокину, является существенным недостатком любого исследования общества.

Рецензент экономист Э. Дженни (E. Jenny), имевший в юности опыт жизни в России, как и Мойтер, обращает внимание читателя на проблему стабильности общества (см. Приложения, № 2). Ему лучше, чем другим рецензентам, удалось продемонстрировать «несущую методологическую конструкцию» Сорокина (его метод), разъяснив его читателю через метафору дерева, его ветвей и тончайших ответвлений: «безусловные» (врожденные, наследственные) «инстинкты» самосохранения, воспроизводства вида и условные (приобретенные) — более жесткие, устойчивые, количественно неизменные. «Привычки» тонкой адаптации к требованиям общественной жизни более гибкие, размытые. Первая группа образует нечто вроде ствола, из которого вырастают побеги второй группы в виде веток и тончайших ответвлений. «Так создаются ветви первого, второго, третьего порядка и так далее, которые, чем ближе к окончанию, тем изменчивее и неустойчивее, а значит, и податливее всяческим влияниям. Если разрушается привычка более низкого порядка, то тотчас же рушатся и все связанные с ней обычаи более высокого уровня» [8, S. 78].

Рецензия слависта Н. Н. Бубнова (Гейдельберг) по-веберовски обращает внимание читателя на проблематику объективной оценки фактического материала, не допуская ни субъективизма, ни политической ангажированности [9], и в этом отношении она является своего рода прологом к рецензии социолога и историка А. Мойзеля (A. Meusel) (см. Приложения, № 3).

Рецензия Мойзеля (см. Приложения, № 4) написана, на первый взгляд, даже более по-веберовски, чем отклик Бубнова: его основное методологическое замечание о не рассмотренных Сорокиным отдаленных последствиях революции напоминает ориентацию на исследовательскую программу социолога М. Вебера по проблеме возникновения европейского капитализма: «Почему все случилось именно так, а не иначе?» [9].

Однако из этого замечания Мойзеля следует другое: об использовании политико-социологических понятий в их неверном значении. Понятием реакции (и связанным с ним понятием консерватизма) не следует обозначать попытку сохранения статус-кво, что означало бы бихевиористское описание реакций политических игроков на революцию. В периоды реакции речь идет о целенаправленной борьбе политических сил против изменений общества, за сохранение самих принципов его устройства, а не того же самого эмпирически наблюдаемого положения. В итоге воз-

никает кристаллизация общества в новом состоянии, то есть имеет место третья стадия революции (у Сорокина их лишь две).

Вывод Мойзеля о том, что «социологию революции, безусловно, еще предстоит создать, точно так же, как Сорокин ее еще не создал, но подошел к этой цели ближе многих других» [10, S. 210], заслуживает внимания, так как основан на бесспорном аргументе о том, что в книге не учтены отдаленные последствия революции. Действительно, с учетом современного исторического знания нетрудно подтвердить, что революция включает три, а не две стадии. Представляется, что именно на это замечание Сорокин отреагировал в 1954 г., при переиздании его первой книги о революции «Листки из русского дневника» (1924), название которой дополнено словами «и тридцать лет спустя», а содержание — главой о достижениях и провалах советской власти. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить это переиздание со словами Сорокина в обращении к немецкому читателю 1928 г. «После стольких лет с тех пор мне не пришлось что-либо менять в моем предсказании» (см. выше), чтобы убедиться во влиянии рецензии Мойзеля.

Значение немецких рецензий

Книга «Социология революции» Сорокина вызвала много откликов. В американских рецензиях ее оценки оказались по преимуществу положительными (рецензент историк У. Абботт (W. Abbott), социолог Р. Парк (R. Park)). Рецензенты разделяют мнение о значимости данной книги, сравнивают ее с исследованием психологии толпы французского социолога Г. Лебона (G. Le Bon). Критических замечаний в американских рецензиях немного, они сводятся в основном к порицанию субъективизма автора, простительного ввиду его личного участия в революционных событиях (см. подробнее: [1, с. 10–12; 5, с. 721–723]), что совпадает с немецкими рецензиями. Однако при всех совпадениях в оценках публикуемые немецкие рецензии отличаются от американских и выявленных В. В. Саповым пражских рецензий обсуждением более общих вопросов теории, акцентом на проблемах методологии (кроме основательной рецензии Ф. Репейникова (Прага, 1925)) [11].

Если рассматривать их в контексте всего творчества Сорокина, то станет заметнее затронутая в них проблема создания общей теории социальных систем, изучения исторического значения революций, их стадий и феномена политической реакции. Некоторые из названных проблем, например теоретическое описание системных изменений общества и культуры, были решены Сорокиным позднее (1950) в полемике с немецким философом культуры О. Шпенглером. Предложенное там теоретическое описание изменений общества через изменения в его подсистемах не означает прямой связи с критикой немецких рецензентов сочинения «Социология революции», но их косвенное влияние несомненно.

Немецкие рецензенты Мойтер, Бубнов и Мойзель, критикуя бихевиористский подход Сорокина, не были первыми в определении границ его познавательных возможностей. Судя по историко-социологическим материалам, уверенность Сорокина в эффективности схемы «стимул — реакция» отсутствовала уже в его полемике на защите магистерской диссертации 22 апреля 1922 г. Ненаучность коллективной рефлексологии, на которой основывается книга «Социология революции», была отмечена и в вышеупомянутой рецензии Ф. Репейникова [11, с. 642]. Как следует

из других историко-социологических материалов — сводной рецензии Сорокина в одном немецком журнале, окончательное признание им ограниченности бихевиоризма основано на знакомстве с трудами физиологов Харьковского психоневрологического института, а не на критике его теории обществоведами. Физиологи обнаружили, что подход школы академика И. П. Павлова к изучению обработки акустических сигналов (слов и их значений) в головном мозге человека не позволяет проследить ее сложность методами физиологии [12]⁸. Следовательно, критика бихевиоризма в публикуемых рецензиях — не самый весомый аргумент в отказе от методологии бихевиоризма. (В сочинении «Социальная и культурная динамика» (1937) от нее почти ничего не осталось.)

О рецензентах и переводчике книги Сорокина

При возрастающей общедоступности историко-социологических материалов здесь нет надобности подробно останавливаться на личностях рецензентов книги «Социология революции», тем более что в отношении Х. Мойтер, Э. Дженни и Н. Бубнова биографические справки нами опубликованы (см.: [13]). Здесь достаточно отнести рецензентов к более широкому контексту — научным школам в немецкой социологии межвоенного периода.

Ханна Мойтер (1889–1964) является социологом Кёльнской научной школы, сложившейся вокруг журнала «Кёльнский ежеквартальник социологии» (*Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*), где и была помещена ее рецензия. Сорокин сотрудничал и дружил с основателем и лидером этой научной школы Л. фон Визе (1876–1969) с 1923 г., то есть 45 лет. Он не раз отмечал общность своей и его позиции в вопросе структуры социологии как науки.

Рецензент Эрнст Дженни (1872–1939) — сын швейцарского консула в Одессе, учился там в гимназии, продолжил образование в Швейцарии, стал экономистом. Его рецензия опубликована в издании «Журнал социальной психологии и социологии» (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*), выпускаемом культур-антропологом и социологом Рихардом Турнвальдом (1869–1954), с которым Сорокин дружил и печатался в данном журнале. Их объединяла мысль о наличии общечеловеческих принципов социальности (социальных связей).

Николай Николаевич Бубнов (нем. Nicolai von Bubnoff; 1880–1962) — русский философ и славист, в 1913 г. окончивший Санкт-Петербургский университет⁹, затем учился в Гейдельберге. После революции 1917 г. — невозвращенец в Советскую Россию. С 1932 г. профессор Гейдельбергского университета, руководитель основанного им там Славянского института. О его личных контактах с Сорокиным сведений нет.

Альфред Мойзель (1896–1960, после Второй мировой войны — видный историк в ГДР) — весьма глубокий рецензент сочинения Сорокина. Его относят к научной школе патриарха немецкой социологии Ф. Тённиса (F. Tönnies). Ко времени

⁸ Список рецензируемых Сорокиным сборников статей по физиологии высшей нервной деятельности Харьковского психоневрологического института: Условные рефлексы: сборник статей / под ред. проф. Г. В. Фольборта. Харьков: Гос. мед. изд-во Украины, 1932; Труд и нервная система / под ред. А. И. Геймановича. Харьков: Украинский работник, 1930; Вопросы общей и социальной психоневрологии: [сборник] / под ред. проф. А. И. Геймановича. Харьков: Юрид. изд-во Украины, 1930.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35025. Бубнов Николай Николаевич.

подготовки рецензии он уже был экстраординарным профессором экономики в Высшей технической школе Аахена, читал социологически ориентированные дисциплины, с 1930 г. стал одним из самых молодых профессоров в Германии. Несмотря на то что он разделяет тезис Вебера об альтернативности хода истории, он считается «представителем “критического марксизма”, который критически противостоял “научным основам” [этой системы мысли] научными средствами». Он является ранним и активным борцом с гитлеровским политическим движением, еще в 1928 г. отметившим «вакуум вокруг демократии» в Веймарской республике. При нацистах он был вынужден эмигрировать в Великобританию. В 1945 г. вернулся в страну, в советскую оккупационную зону, возрождать общественные науки, стал профессором новейшей истории в Университете им. А. Гумбольдта в Берлине [14].

В связи с публикацией его рецензии отметим, что он был исследователем марксизма, опубликовал книгу «Проблема внешнеторговой политики в трудах Фридриха Листа и Карла Маркса». Поэтому его насмешливое замечание в рецензии по поводу некритического воспроизведения ложных слухов о Марксе как пособнике русских народников-террористов во вступительной статье майора в отставке доктора Х. Касполя о Сорокине является лишь подтверждением его высокой профессиональной квалификации.

Меньше всего сведений удалось собрать о переводчице докторе Касполе. В 1921 г. он защитил диссертацию на философском факультете Кёнигсбергского университета — это его единственное самостоятельное сочинение. Все остальное — рецензии на антибольшевистскую литературу, а также переводы двух книг Сорокина (о второй книге — сокращенном немецком издании «Современных социологических теорий» — имеется весьма негативная рецензия Л. фон Визе из-за небольшого искажения смысла текста в одном месте). Это обстоятельство, созвучное рецензии Мойзеля, не ставит под вопрос качество вступительной статьи Касполя о Сорокине в немецком издании «Социологии революции», а позволяет предположить их личное знакомство.

Литература

1. Зюев Н. Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами американских социологов. Сыктывкар: Эском, 2009.
2. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. 2-е изд. М.; СПб.; Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021.
3. *Dunkmann K.* Sorokin: Die Soziologie der Revolution // Archiv für angewandte Soziologie. Jg. 1. Hf. 1. S. 48.
4. *Bla.* [Review of Soziologie der Revolution, by P. Sorokin & H. Kasspohl] // Annalen der Philosophie und Philosophischen Kritik. 1928. Nr. 7. S. 70.
5. *Сапов В. В.* Комментарии // Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. 2-е изд. М.; СПб.; Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 651–760.
6. *Sorokin P.* Vorwort zur deutschen Ausgabe // Die Soziologie der Revolution / ins Dt. übertr. und mit einer Einl. vers. von H. Kasspohl. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1928. S. 5.
7. *Meuter H.* Sorokin, Pitirim A.: The Sociology of Revolution. Philadelphia: Lippincott Company, 1925. XII, 428 S. // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. 1925/1926. Jg. 5. Hf. 4. S. 461–464.
8. *Jenny E.* Sorokin Pitirim, Prof. der Soziologie a. d. Universität Minnesota, früher Prof. an der Universität St. Petersburg: Die Soziologie der Revolution. Ins Deutsche übersetzt von Dr. Hans Kasspohl,

Major a. D. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1928. 360 S. // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1929. Jg. 5. Hf. 1. S. 77–79.

9. *Bubnoff N.* Sorokin Pitirim: Die Soziologie der Revolution. Ins Deutsche übertragen und mit einer Einleitung versehen von Dr. Hans Kaßpohl. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1928. 360 S. // Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1928. Bd. 85. Hf. 2. S. 387–391.

10. *Meusel A.* Sorokin Pitirim. Soziologie der Revolution. Übersetzt von Kaßpohl. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1928 // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1928. Bd. 60. S. 206–210.

11. *Репейников Ф.* Лицо революции // Листки из русского дневника. Социология революции. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. 2-е изд. М.; СПб.; Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 638–649.

12. *Sorokin P.* Heymanovich A. J. (ed.) The Problems of General and Social Psycho-Neurology. Kharkov, 1930; Heymanovich A. J. (ed.) Labour and the Nervous System. Kharkov, 1930; Volborth G. W. (ed.) Conditioned Reflexes. Kharkov, 1932: Review // Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1932. Jg. 8. H. 4. S. 457–459.

13. *Головин Н. А., Ломоносова М. В.* Немецкое издание «Социологии революции» Питирима Сорокина и ее оценка германским социологическим сообществом // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 2. С. 44–57.

14. *Wierzock A.* Alfred Meusel in der wissenschaftlichen Schule von Ferdinand Tönnies. Standortbestimmungen eines Soziologen zwischen Kiel, Aachen und Eutin. URL: <https://lb-eutin.kreis-oh.de> (дата обращения: 09.09.2022).

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 17 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Головин Николай Александрович — д-р социол. наук, проф.; n.golovin@spbu.ru

Methodological antinomies of Pitirim Sorokin's *Sociology of Revolution*: Toward the publication of selected German reviews of the book (1925–1929)*

N. A. Golovin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Golovin N. A. Methodological antinomies of Pitirim Sorokin's *Sociology of Revolution*: Toward the publication of selected German reviews of the book (1925–1929). *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 1, pp. 93–115. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.106> (In Russian)

Four reviews published in Russian for the first time are by H. Mauter (Cologne, 1889–1964), E. Jenny (Berlin, 1872–1939), N. N. Bubnoff (Heidelberg, 1880–1962), A. Meusel (Aachen, 1896–1960) on the book “The Sociology of Revolution” (1925, German edition, 1928) by the Russian-American sociologist P. A. Sorokin (1889–1968) provide a theoretical context that allows us to trace some significant changes in the methodology of Sorokin's sociology from moderate behaviorism towards the formation of an integral logico-meaningful method of analyzing the dynamics of social and cultural systems and creating the conceptual foundations of social systems theory. They differ from the American reactions to the book by discussing fundamental methodological problems of social theory: stability and dynamics of social systems, ensuring their stability and equilibrium. The reviews contrast the behaviorist content of the concepts of revolution and reaction in Sorokin's work with the significance of these concepts in political theory and the sociology of politics. The question of the objectivity of Sorokin's

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the project no. 20-011-00451.

study of revolution, taking into account his moral assessments of the behavioral phenomena of revolutionary events in Russia, is discussed in the context of the methodological requirement of German sociologist Max Weber to reject political evaluations of social processes and phenomena. The paper substantiates the possibility of developing a general sociological theory of revolution and the significance of Sorokin's study in relation to this issue, taking into account the difference between sociological and historical approaches to the subject. It is proved that German reviews published in leading professional journals of interwar Germany had some influence on the change in the methodology of Sorokin's sociology.

Keywords: P. A. Sorokin, H. Mauter, E. Jenny, N. N. Bubnoff, A. Meusel, sociology of revolution, social systems theory, sociology methodology.

References

1. Zyuzev N. F. "Roller Coaster" of Pitirim Sorokin: "Zyrian Sage" through the Eyes of Overseas Sociologists. Syktyvkar: Eskom Publ., 2009. (In Russian)
2. Sorokin P. *Leaves from the Russian Diary. Sociology of the Revolution*, comp., prep. of the text, introd. art. and comment. by V. V. Sapov. Syktyvkar: Anbur Publ., 2015. (In Russian)
3. Dunkmann K. Die Soziologie der Revolution: Review of *Soziologie der Revolution*, by P. Sorokin & H. Kasspohl. *Archiv für angewandte Soziologie*, vol. 1, no. 1, p. 48.
4. Bla. Review of *Soziologie der Revolution*, by P. Sorokin & H. Kasspohl. *Annalen der Philosophie und Philosophischen Kritik*, 1928, no. 7, p. 70.
5. Sapov V. V. The Comments. In: Sorokin P. *Leaves from the Russian Diary. Sociology of the Revolution*, comp., prep. of the text, introd. art. and comment. V. V. Sapov. Syktyvkar: Anbur Publ., 2015, pp. 651–760. (In Russian)
6. Sorokin P. Vorwort zur deutschen Ausgabe. In: Sorokin P. *Die Soziologie der Revolution*. Ins Dt. übertr. und mit einer Einl. vers. von Hans Kasspohl. Munich: J. F. Lehmanns Publ., 1928, p. 5.
7. Meuter H. Sorokin, Pitirim. The Sociology of Revolution. Philadelphia 1925; Lippincott Company. XII and 428 p. *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*, 1925/1926, vol. 5, no. 4, pp. 461–464.
8. Jenny E. Sorokin, P. Sociology of the Revolution. Munich: J. F. Lehmanns Publ., 1928: Review. *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*. Leipzig, 1929, Vol. 5, no. 1, pp. 77–79.
9. Bubnoff N. Sorokin, Piririm: Die Soziologie der Revolution. Ins Deutsche übertragen und mit einer Einleitung versehen von Dr. Hans Kaßpohl. J. F. Lehmanns Verlag, Munich, 1928. 360 p. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft = Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1928, vol. 85, no. 2, pp. 387–391.
10. Meusel A. Sorokin Pitirim. Soziologie der Revolution. Übersetzt von Kaßpohl. Munich: J. F. Lehmanns Publ., 1928. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1928, vol. 60, pp. 206–210.
11. Repejnikov F. The Face of the Revolution. In: Sorokin P. *Leaves from the Russian Diary. Sociology of the Revolution*, comp., prep. of the text, introd. art. and comment. by V. V. Sapov. Syktyvkar: Anbur Ltd., 2015, pp. 638–649. (In Russian)
12. Sorokin P., Heymanovich A. J. (ed.) The Problems of General and Social Psycho-Neurology. Kharkov, 1930; Heymanovich A. J. (ed.) Labour and the Nervous System. Kharkov, 1930; Volborth G. W. (ed.) Conditioned Reflexes. Kharkov, 1932: Rewiev. *Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*, 1932, vol. 8, no. 4, pp. 457–459.
13. Golovin N., Lomonosova M. The German Edition of "The Sociology of Revolution" (1928) by Pitirim A. Sorokin and the Professional Perception of This Book in the German Sociological Community. *Sociology of Science and Technology*. 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 44–57. (In Russian)
14. Wierzock A. *Alfred Meusel in der wissenschaftlichen Schule von Ferdinand Tönnies Standortbestimmungen eines Soziologen zwischen Kiel, Aachen und Eutin*. Available at: <https://lb-eutin.kreis-oh.de> (accessed: 09.09.2022).

Received: September 23, 2022

Accepted: February 17, 2023

Author's information:

Nikolay A. Golovin — Dr. Sci. in Sociology, Professor; n.golovin@spbu.ru

№ 1^{1*}

Х. Мойтер (Кёльн)

Сорокин, Питирим. Социология революции. Филадельфия: Издательство Lippincott Company, 1925, XII, 428 с. (пер. с нем. Н. А. Головина)^{2*}

Бывший петербургский профессор социологии П. А. Сорокин создал данный труд в Чехословакии, где после изгнания из России в конце 1922 г. он был гостеприимно принят в правительственных кругах благодаря своему коллеге по профессии Масарику^{3*}. Благодаря американским друзьям, прежде всего социологу Хейсу (Университет Иллинойса^{4*}), включившего его труд в социологическую книжную серию Липпинкотта, оригинальное англоязычное издание вышло в свет в Америке, где Сорокин сейчас преподает в ряде университетов.

Для оценки труда важны следующие биографические сведения об авторе: в начале русской революции профессор Сорокин был одним из лидеров умеренной революционной партии, был в союзе с Керенским; так он стал главным редактором газеты «Воля народа», членом Всероссийского крестьянского союза и депутатом Учредительного собрания. Однако с 1918 г. он уже не был ни социалистом, ни революционером, а приложил много сил к антиреволюционной организации русского крестьянства. За свою политическую деятельность он был трижды брошен в тюрьму большевистским правительством и в конечном итоге приговорен к смертной казни, но помилован при условии, что покинет страну и никогда больше не вернется назад^{5*}. Сегодня он не только преподаватель в американских университетах, но и руководитель организации российских рабочих в Америке, ожидающих изменения условий в России, чтобы вернуться на родину^{6*}.

«Социология революции» Сорокина была тепло встречена в американских социологических кругах. Там считается, что после трудов Лебона нет ни одного сочинения на эту тему, достойного такого же внимания, а президент Американской социологической ассоциации даже пишет, что внимательное изучение показывает, что нет другой столь же поучительной книги^{7*}.

В данной работе, особенно в ее первой части, на автора очень сильно влияют: во-первых, американская «бихевиористская литература» и, во-вторых, психоанализ. Обращаясь не только к великой русской революции, «в лаборатории которой он сам поработал», но и к революциям в Египте, Греции, Риме, Франции, Богемии, Англии, Германии, он как социолог хочет представить лишь те социальные явления, которые свойственны всем революционным периодам независимо от времени и места. Вопреки распространенным определениям понятия революции, которые автор делит на партийные и научные, причем научные (Бауэр¹⁰, Фиркандт¹¹ и др.), по его мнению, всегда слишком формальны, под революцией он понимает весь революционный период вплоть до возвращения общества к нормальной социальной эволюции, то есть революционный период в узком смысле + закономерно следующий затем период реакции. Сорокин не дает своего определения понятия революции; скорее, он стремится показать основные черты того, что понимают под

¹⁰ См.: Bauer A. Essai sur les Révolutions. Paris, 1908. P. 11, 16.

¹¹ Vierkandt A. Zur Theorie der Revolution // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung. 1922. Bd. 46. Hf. 2. S. 19–20.

революцией, «натуралистическим» образом (в смысле американской социологии). Материал разделен на пять основных частей, содержание которых кратко изложено предварительно: революция означает: 1) с одной стороны, изменение поведения народа, а с другой — его психологии, идеологии, убеждений и верований; 2) изменение биологического состава населения и, таким образом, процессов, вызывающих это явление; 3) обезображивание общества; 4) изменение базовых социальных процессов; 5) последняя часть книги посвящена причинам революций.

В следующих разделах исследуется сущность и проявление человеческого поведения в нормальных условиях, затем им противопоставляются общие изменения в поведении во время революции. Автор больше всего акцентирует силу наследственных факторов (в терминах: с одной стороны, врожденный рефлекс, наследственный рефлекс, инстинкт, импульсы, а с другой стороны: условный рефлекс, приобретенный рефлекс, реакция, привычка — эти термины используются как синонимы), которые при изменении общественных условий очень быстро приводят к выраженному «неустойчивому равновесию» — человек даже в нормальных условиях всегда представляет собой своего рода совпадение противоположностей (*coincidentia oppositorum*) — достигают абсолютного и потрясающего превосходства. Так детально можно объяснить лишь общие характеристики изменений в поведении человека во время революции: порывистость, быстроту, инверсию (в смысле Фрейда, который в своих исследованиях революционных периодов исходит из перверсий) на первой стадии революции, непосредственным следствием которой является подавление многочисленных приобретенных факторов поведения, которые в обычное время сдерживают вытесненные влечения масс и заменяют их на приобретенные факторы поведения, противоположные им. На второй стадии, которая наступает, когда высвобожденные древние влечения «вскипают», следует чисто механическая жестокая реакция, вызывающая летаргию революционных импульсов с последующим восстановлением приобретенных факторов поведения, благодаря чему революционный процесс завершается. Все остальные главы первой, основной части труда, написаны для подтверждения этой теории Сорокина, изложенной здесь кратко на конкретном примере. Здесь уместно высказать наши сомнения: 1. Исходя из изложенного автором неясно, почему — как следует из дедуктивного вывода Сорокина и последующей индукции — в революционные времена берут верх негативные наследственные факторы. Так как, по Сорокину, «наследственные факторы торжествуют над приобретенными», продемонстрированные им явления можно объяснить лишь тем, что наследственные факторы являются в целом «злыми», хотя Сорокин оспаривает это. 2. Непонятно, почему только благодаря взаимному влиянию приобретенных и наследственных факторов — как это происходит в нормальных социальных условиях — поведение человека может быть в состоянии равновесия. Если революция (на первом этапе) означает снятие действия приобретенных факторов поведения, то теоретически возможно, что одни только первоначальные наследственные факторы сложатся в такую комбинацию, когда позитивные и негативные силы уравновесят друг друга, то есть не возникает значительного нарушения равновесия в поведении человека. 3. Отдельные примеры, в изобилии приводимые Сорокиным, учат (не противореча теории!), что в революционные времена приобретенные поведенческие факторы не отключаются, не аннулируются, а включаются с противоположным знаком и таким образом действуют в противоположном смысле. Если наше второе замечание уже было направлено на то, чтобы видеть ситуацию существенно сложнее, чем Сорокин рисует ее в ключевых пунктах, то, с учетом нашего третьего замечания в качестве исследовательского материала, выступает уже гораздо более сложная величина, в данном случае, вероятно, состоящая из позитивных и негативных наследственных факторов + обращен-

ные вспять (или, может быть, не вполне обращенные) приобретенные факторы, из суммы которых так и не следует неспособность поддерживать социальное равновесие. Напротив, можно утверждать, что те самые факторы, которые действовали до революции, сумма которых означает: наследственные факторы + не обращенные вспять приобретенные факторы, самим фактом революции доказали бы свою непригодность на роль носителей равновесия в поведении человека. 4. Таким образом, нам кажется, что подход Сорокина слишком механистичен, слишком ориентирован на физиологию — в соответствии с американским шаблоном — обстоятельство, которое особенно заметно в главе о «психологии революционного общества».

Индуктивная часть труда призвана на многочисленных примерах продемонстрировать основные типы обращений приобретенных факторов во время революции; каждый раз речь идет об обращении человеческого поведения на первой стадии революции, в то время как на второй стадии происходит обратное обращение и, таким образом, наступает исходное нормальное состояние. В частности, обращения охватывают традиционные аспекты речи, отношений собственности, труда, половой жизни, власти, религии, морали, эстетики и так далее. Момент обращения для названных факторов разный. Таким образом, инверсия полового влечения, относящаяся к наименее изменчивым факторам, начинается в относительно поздний период революции; с другой стороны, закономерная обратная инверсия половых влечений требует больше времени, чем возврат к норме других влечений. Напротив, авторитарные инстинкты еще до революции демонстрируют противоположный эффект.

Однако богатая подборка примеров, соответствующая теории Сорокина, является результатом односторонней группировки: нигде не документировано проявление положительных наследственных факторов, нет случая, когда обращенный приобретенный фактор дал бы положительный эффект. В общем, мы оставляем открытым вопрос о том, всегда ли используемые примеры безупречны. В очень немногих отдельных случаях хотелось бы подчеркнуть, сколь сильна наша критика: в седьмой части книги делается попытка на основе материалов статистики доказать, что революция, — социальная революция — столь рьяно проповедующая идеал всеобщего труда, на деле лишь потакает инертным инстинктам масс. Для этого сравнивается производительность труда русского фабричного рабочего в 1913 г. (100 %) с производительностью в 1917 (85,5 %) и в 1918 г. (44 %) без малейшего упоминания о возможном влиянии других факторов, кроме личной инерции. Многие случаи антропофагии решительно отнесены к «спутникам революции», при этом процессы бестиализации^{8*}, вызванные прежними войнами, вообще не упоминаются (когда речь идет о мировой войне), а «эффект голодного психоза» прямо объявлен «незначительным»^{9*}. В заключение следует привести еще одно возражение, относящееся к другой области: автор намерен дать наиболее полное исследование революции, но исключает из рассмотрения чешскую революцию 1918 г. и американскую революцию XVIII в. по не очень убедительным основаниям.

Следующие разделы книги носят скорее статистический и социологический, и в меньшей мере социально-психологический характер по сравнению с первыми разделами. О влиянии революции на численный состав населения Сорокин сообщает: революции сокращают численность населения: 1) путем непосредственного разрушения жизни; 2) за счет увеличения коэффициента смертности и снижения коэффициента рождаемости; 3) революционные времена дают хрестоматийный пример «селекции самых негодных»; 4) они ухудшают состояние здоровья и уменьшают жизненные силы выживших.

Касательно изменений в структуре общества во время революций Сорокин находит, что: 1) процессы изменений в отношении образования социальных групп идут гораздо

быстрее, чем в обычное время; 2) флуктуации внутри групп гораздо сильнее; 3) прежние группы полностью разрушаются, образуются новые; 4) на второй стадии наблюдается обратное развитие от п. 1) к п. 3).

Среди изменений социальных функций в системе управления, характерных для революций, автор называет следующие: 1) на начальном этапе развитие в направлении анархической автономии; 2) вскоре оно сменяется деспотизмом, который даже сильнее, чем до революции; 3) исчезновение п. 1) и 2) в результате возврата к исходному состоянию. Видоизменения в экономической жизни уже рассматривались выше. Что касается изменений в интеллектуальной сфере, то следует отметить, что на второй стадии первоначальная революционная идеология теряет кредит доверия и заменяется идеологией старого режима.

В трактовке причин революций Сорокин выделяет одну из них как наиболее общую: непосредственной причиной всегда является усиление подавления основных влечений у большинства членов общества и, наконец, невозможность найти им даже минимальное удовлетворение. Сюда следует добавить недееспособность групп — опор существующего общественного порядка.

В свете практически-политических потребностей из картины социологии революции Сорокина следует, что здоровому обществу нужны консервативная и прогрессивная партии, причем обе должны быть достаточно мощными, чтобы поддерживать нормальный баланс противоборствующих сил.

№ 2

Эрнст Дженни (Берлин)

Сорокин, Питирим, профессор социологии Университета Миннесоты, бывший профессор Санкт-Петербургского университета. Социология революции / Пер. на нем. яз. д-ра Х. Касполя, майора в отставке. Мюнхен: Изд-во Й. Ф. Лемана, 1928. 360 с. (пер. с нем. Н. А. Головина)^{10*}

Автор, социолог по образованию, пять лет был «в гуще событий» жуткого времени большевистской революции. Он постоянно ощущает пульс Российской империи, сотрясаемой лихорадкой распада, и наблюдает ее упадок с помощью инструментов современной науки об обществе. Данная работа является результатом исследований живого объекта.

Сорокин (или «Ssorokin», как правильнее будет по-немецки) исходит из влечений и привычек, которые значимы для людей, связанных с социальными общностями, и на которые, в свою очередь, влияет общественная жизнь. Он очень тонко делит их по степеням, выделяя две большие группы: «безусловные» (врожденные, наследственные) «инстинкты» самосохранения, воспроизводства вида и условные (приобретенные); «привычки» тонкой адаптации к требованиям общественной жизни. Первые более жесткие, более устойчивые, так сказать, количественно неизменные; вторые более гибкие, более размытые. Первая группа образует нечто вроде ствола, из которого вырастают побеги второй группы в виде веток и тончайших ответвлений. Так создаются ветви первого, второго, третьего порядка и так далее, которые, чем ближе к окончанию, тем более изменчивы и неустойчивы, а значит, и более податливы всяческим влияниям. Если разрушается привычка более низкого порядка, то тотчас же рушатся и все связанные с ней обычаи более высокого уровня.

Любые инстинктивные действия или рефлексорные привычки являются продуктом влечений и социально обусловленных противодействий по их подавлению. При нормаль-

ном течении общественной жизни возникает устойчивое равновесие (гармония). Однако, если она выведена из равновесия, то определенные запреты исчезают, меняется направление и сила влечений. Мелкие периферийные образования больше всего подвержены такому регрессу, в то время как исходные древние влечения оказываются более устойчивыми.

В этом состоит нечто вроде несущей конструкции исследований Сорокина, продолжающей трактовку Лебона и Парето. Проблема заключается в изменении поведения человека во время революции, то есть при внезапной смене общественного порядка; как это происходит и чем вызвано? (В случае постепенного изменения общественных форм правила поведения меняются, приспособляясь, заменяя устаревшие и неэффективные связи на новые, поддерживая прочность социальной структуры.) Необходимо также учитывать, что у отдельных индивидов все время происходит встряска тормозных комплексов, что приводит к антисоциальным действиям разной степени тяжести, вплоть до серьезных преступлений. Предпосылкой революции всегда является то, что разрушение запретов затрагивает большое количество людей, обычно целые слои населения. Ход событий в этом случае аналогичен тому, что происходит в отдельном человеке, поскольку более тонкие связи, как и менее устойчивые, легче поддаются изменению и исчезают первыми. Лишь в случае более сильных потрясений, глубже подрывающих социальное устройство, разрушаются более примитивные типы инстинктивных поведенческих связей, так что остаются лишь наиболее устойчивые «безусловные» влечения, обнажающие самые низменные рефлексы. Отсюда ясно, что любая революция асоциальна, угрожает социальности (*Vergesellschaftung*) и невозможна как длительное состояние. Всеобъемлющие революции всегда приводят к самой резкой «реакции» (противодействию), так как быстро следуют новые запреты с применением жесточайшего насилия, какое бывало лишь в далеком прошлом.

Далее Сорокин анализирует потрясения мировой истории с точки зрения того, как происходит разрушение сдержек: в каких формах, в каком порядке и с какими последствиями. Он исследует различные области человеческих отношений и вытекающие из них формы общения, всегда и везде находя подтверждение своим теоретическим положениям. Наступает «одичание» во всех отношениях, то есть подобие первобытного состояния: начиная с вырождения речевых привычек и регламентации труда и заканчивая понятиями собственности и формами половой жизни. Не только мораль, религия, семья, правосознание вырождаются и дичают, но и формы социальности (*Geselligkeitsformen*), эстетика, речевая деятельность грубеют до непристойности. Так возникает особая психология революционного общества, которая является предметом разработки в данной книге. Социальные установления более высокого уровня разрушаются в обратной последовательности их социального возникновения, глушатся установками более низкого порядка до полного уничтожения, пока не останутся почти животные влечения, которые в жуткой схватке бьются за новое равновесие общества.

На основе такого корпуса знания в следующих частях книги рассматриваются сопутствующие социологические явления в узком смысле, присущие всем революциям. Например, изменение численности населения, его состава по социальным слоям, классовому делению и в результате биосоциальной селекции. Далее исследуется влияние революции на экономику, особенно на производство товаров и распределение доходов. Следующий раздел посвящен организационным изменениям в осуществлении государственной власти и ее функций. Всегда и везде усиливается диктатура с тираническим вмешательством в такие области личной жизни, которые при сбалансированном общественном устройстве власть прямо не касается. — Все это подтверждено обширным фактическим материалом, который из-за недостатка места здесь опущен. Размышления о предпосылках и гене-

зисе революций весьма толковые. В большинстве случаев в основе потрясений — избыток сдерживаемых, «подавленных» влечений, будь то новые или неудовлетворенные старые потребности, влечения, борющиеся с устаревшими запретами, либо невыполнение запретами своих функций: вырождение высших классов и аппарата государственной власти. В связи с этим Сорокин весьма внимательно рассматривает условия предреволюционной России и толково обсуждает их.

Сорокин делает вывод (в разделе «Иллюзии революции») о том, что революция как таковая не обладает стабильностью. Не бывает переворотов без высвобождения асоциальных влечений и без разрушения факторов их социального равновесия, угрожающих существованию общества. Стоит отметить отличное введение переводчика, которое чрезвычайно ценно для немецкого читателя.

№ 3

Николай Бубнов (Гейдельберг)

Сорокин, Питирим. Социология революции. Пер. на нем. яз. и предисл. д-ра Х. Касполя. Мюнхен: Изд-во Й. Ф. Лемана, 1928. 360 с.: рецензия (пер. с нем. Н. А. Головина)^{11*}

Социология — наука о человеческом обществе. У нее тот же материал, что и у истории, но она отличается способом работы с ним. Метод социологии, как и метод истории, не индивидуализирующий, а генерализирующий. Социолог стремится найти закономерности социальной жизни. Он должен сравнивать однородные социальные явления разных времен и народов, чтобы найти их общие черты. Социологическое исследование, изложенное в данной книге, направлено на социальный процесс, называемый революцией. Русская революция 1917–1924 гг., свидетелем которой был автор и на личном опыте глубоко изучил ее влияние на все сферы жизни, находится в центре внимания, но не как историческое событие в его конкретной уникальности, своеобразии и неповторимости (такова была бы установка историка), а как «архетип» революции. Другие революции разных исторических эпох (египетская, римская, гуситская, английская, французская) используются автором для сравнения, чтобы определить закономерные, существенные черты любой революции.

Хотя Сорокин, который (как следует из введения Касполя) в начале революции принадлежал к умеренному крылу социал-революционной партии, занимает в книге принципиально негативную позицию по отношению к революции, его интересные описания, основанные на богатом и достоверном материале, носят глубоко предметный характер и соответствуют его основному замыслу. Он переходит к непосредственному изучению самих фактов без похвал и порицаний, «изучает революцию во всей ее фактичности, не споря с иными теориями революции и не создавая своей теории».

Желающий изучить закономерности революции как таковой должен в первую очередь четко представлять себе содержание и объем этого понятия. Несомненно, что мы используем это слово для обозначения более или менее радикальных изменений в социальном организме, в зависимости от их интенсивности и глубины. Основные направления изменений приводят к дифференциации смысла этого термина и позволяют обозримо упорядочить фактический материал. Смысл слова «революция» включает, по Сорокину, следующие комплексы изменений в организме народа: «изменение в поведении людей и изменение их психики, идеологии, убеждений и ценностей», «изменение биологического состава населения и происходящих в нем процессов размножения и селекции», «вы-

рождение социальной структуры общества» и «изменение фундаментальных социальных процессов». Соответственно, его книга состоит из четырех разделов, за которыми следует пятый, посвященный причинам революции.

Разъяснения, изложенные в первом разделе, основаны на фундаментальной идее, согласно которой человека следует рассматривать, прежде всего и по сути, не как рациональное существо, а как носителя врожденных инстинктов, на основе которых постепенно развиваются и меняются инстинкты и привычки, приобретенные в процессе участия в культуре. По мнению Сорокина, достигнутое так равновесие в инстинктах человека следует считать важнейшей предпосылкой любого государственного и общественного устройства. Согласно его точке зрения, нарушения равновесия в революционные эпохи обусловлены определенными изменениями врожденных (безусловных) и приобретенных (условных) влечений. Сорокин признает особый характер этих изменений в их одновременном распространении на значительную часть населения, затронутого революцией, в их внезапности, но особенно в уничтожении или ослаблении многочисленных условных привычек, которые в обычное время препятствуют безудержному проявлению первичных инстинктов, угрожающих жизни общества, — его уничтожению, ведущему к одичанию масс. Именно в этом смысле Сорокин описывает характерные для революции деформации «речевых рефлексов», рефлексов собственности и трудовых рефлексов, вырождение сексуальных и властных представлений, религиозных, моральных и эстетических форм поведения. Он считает, что можно везде различить две последовательные стадии революции: стадию анархического распада, характеризующуюся исчезновением тормозящих привычек, за которой следует стадия усиления принуждения. Во втором разделе Сорокин на основе статистических данных показывает, что революция приводит к сокращению населения, к увеличению смертности и уменьшению рождаемости и что ее также следует оценивать как инструмент отрицательной селекции и ухудшения наследственных качеств расы. В третьем разделе рассматриваются процессы социальной реструктуризации, вызванные революцией. Показано, что в революционные эпохи социальные группы приходят в неустойчивое состояние, что они подвержены значительным колебаниям состава и численности, что старые социальные группы относительно легко распадаются и заменяются новыми социальными образованиями, которые, в свою очередь, нестабильны. Механизм профессионального отбора становится совершенно нецелесообразным; решающее значение имеют не способности, а революционный пыл. Четвертый раздел посвящен изменениям общественных функций в периоды революций. Они касаются правительства, экономики и интеллектуальной жизни. Сорокин верно демонстрирует, что свобода, о которой любят говорить все революционеры, во время революций находится в плачевном состоянии: за коротким периодом анархического деспотизма неизбежно следует деспотичное государственное вмешательство, грубо игнорирующее права и свободы граждан. Таким образом, революция, которая обычно начинается во имя свободы и пишет ее имя на своем знамени, в конечном итоге означает сильное ограничение, если не уничтожение свободы. То, что говорит Сорокин о развале экономики, о падении интеллектуального уровня и об откате в интеллектуальном развитии во время революции, вполне правдоподобно. Основные причины революции определены в пятом разделе: подавление важнейших инстинктов у большинства населения (инстинкты питания, собственности, индивидуального и коллективного самосохранения) и несостоятельность правящего класса, защищающего государственный правовой порядок, из-за его вырождения.

Не думаю, что верность этих суждений можно оспорить по существу. Большинство тезисов Сорокина настолько правдивы, что кажутся почти банальными, и даже думается, что доказательств представлено слишком много. Имплицитная негативная оценка в изло-

женной здесь характеристике революции, уничижительные замечания о ней вперемешку с резкими выпадами, могут, пожалуй, вызвать сомнения в научной объективности автора и подозрение в личной предвзятости и односторонности, укорененной в ресентименте^{12*}. Однако это не вызывает особых возражений, если учесть, что исследовательская деятельность социолога не направлена, как в случае естествоиспытателя, на реалии, свободные от ценностей, а нацелена в основном на общество как носителя культурных ценностей. Если в ходе исследования фактических связей в революционных событиях делается вывод о том, что революция разрушает культурные ценности, не создавая равноценной им замены, что она снижает культурный уровень общества, то нельзя не оценить ее негативно. Оценочные суждения преследуют изучение фактов, даже когда ученый в похвальном стремлении к объективности воздерживается от упреков и похвал. Одно только осознание того, что революция, начатая в стремлении к свободе, в случае ее радикальных последствий неизбежно влечет за собой усиление принуждения и затыкание ртов, вызывает скепсис относительно ожидаемых от нее благ. С другой стороны, Сорокин справедливо подчеркивает, что признание антиценностного и культурно-разрушительного характера революции как таковой в конкретном случае не может предотвратить ее вспышку: она неизбежна всегда, когда общество созрело для нее, то есть когда в нем реализуются определенные предпосылки запуска революционного процесса. По факту революционный процесс является лишь явным разложением существующего общественного строя. Здесь напрашивается критическое замечание. Если признать в революции кризис развития социального организма, неизбежный при определенных условиях, то в интересах беспрепятственного и непрерывного культурного развития действительно можно лишь сожалеть, что дело дошло до революции, но стоит ли осуждать ее столь безоговорочно, как в данной книге? Конечно, так называемые достижения революции поначалу обычно весьма сомнительны, но жестокие потрясения и ужасные «страдания», вызванные ею, могут привести к моральному очищению человека и постепенно запустить процесс социального возрождения. Эта возможность, конечно, не означает морального оправдания тех беспринципных фанатиков революционной мысли, которые с безответственным безрассудством стремятся во что бы то ни стало вызвать революционное потрясение, не отдавая себе отчета в последствиях такого «социального эксперимента», и которые действуют по опасному принципу Бакунина: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». В любом случае к чести автора то, что своим неприукрашенным описанием революционных реалий он лишает революцию любого романтизма, прихорашивающего ее суть, снимает с нее нимб преобразования, привлекающий поверхностных энтузиастов, а также противодействует широко распространенному кардинальному заблуждению, будто бы улучшение материального и духовного положения народных масс может быть достигнуто лишь путем революционного переворота.

№ 4

Альфред Мойзель (г. Аахен)

Сорокин, Питирим. Социология революции. Пер. Х. Касполя. Мюнхен: Изд-во Й. Ф. Лемана, 1928: рецензия (пер. с нем. Н. А. Головина)^{13*}

Редко когда двойственность какого-либо сочинения сразу же выступает столь рельефно, как в книге «Социология революции» бывшего петербургского, ныне миннесотского профессора Питирима Сорокина, которая была переведена на немецкий язык

майором в отставке доктором Хансом Касполом и снабжена его введением. Название работы предполагает исследование в отвлеченной сфере научного наблюдения; но за отталкивающим рисунком на обложке, изображающим уродливого, озверевшего, грубого и тупого русского революционера, ожидается памфлет на революцию. Между этими полюсами развертывается изложение, причем резко контрастно: первый раздел книги (части 1–2) соответствует, за исключением некоторых комментариев, рисунку на обложке, второй раздел (части 3–5) — научному названию книги.

Что касается первого раздела, то его квинтэссенцию можно резюмировать так: революция — мощнейшее выражение всевозможного зла, которое только можно себе вообразить: нет такого преступления, которое не совершалось бы в революции, нет такого порока, который не развился бы в ней сполна; она проторяет путь «биологизации» социального общежития, возврата общества в давно минувшее животное состояние.

Автор обеспечивает возможность интерпретировать революцию как воплощение всего адского с помощью нескольких очень простых методологических ухищрений. Во-первых, глава о причинах революции (часть 5) помещена очень-очень далеко позади описания типичного хода событий; однако при этом она одна из лучших, наиболее научных во всем сочинении. Однако поскольку описание хода событий предшествует анализу причинно-следственных факторов, первая часть книги по характеру и стилю похожа на старые летописи; мы узнаем только о злодеяниях и удивляемся, как такое может быть на белом свете, потому что нам ничего не сообщается о том, почему все случилось именно так, а не иначе.

Второе методологическое ухищрение состоит в том, что автор работает с понятием «революция», не соответствующим цели, так как оно не отвечает социальному содержанию революционных явлений. Его понятие революции в своей основе не социологическое, а биологическое и психологическое (влечения) (ср. с. 34 и далее). По его мнению, каждая революция состоит из двух разных фаз: первой, в которой влечения, подавленные в предреволюционный период, мощно требуют высвобождения, а общество, разрушаясь, идет к анархии (это и есть сама революция), и вторая фаза, в которой вырвавшиеся наружу влечения вновь подавляются новыми законами — это период реакции. Такое отождествление революции с беспределом, а реакции с подавлением (ср. особенно с. 59) позволяет автору распределять свет и тени на свой вкус. Ведь если бы он исходил из социологической концепции «реакции», обозначающей совокупность усилий, направленных на восстановление прежнего состояния общества, то обязательно обнаружил бы, что некоторые важные эпохи, которые он относит к «реакции», такие как правление Кромвеля и диктатура Робеспьера, на самом деле относятся к «революции» именно в том смысле, который по существу отличается от используемого им.

Однако тогда он не мог бы считать, что высвобождение влечений является характерной чертой всех действительно революционных эпох. Время «мюскадинов» и «золотой молодежи»^{14*} наступило во Франции после реакции Термидора; явления, возникшие на том этапе, представляли собой решительный поворот к свободе и освобождению, в отличие от правления «добродетельных буржуа», которое из любви к идеальному человеку отправляло на гильотину реальных людей, чья «диктатура добродетели» грозила не только аристократам, священникам, поставщикам армии, земельным спекулянтам, спекулянтам на инфляции, но и всем «аморальным типам», независимо от их социального происхождения. В революции в Англии дела обстояли примерно так же. Реставрация, а не революция увеличила количество праздничных дней, благодаря «Книге спорта» был снят запрет на петушьи бои и охоту на медведя^{12 15*}. В России поражение революции 1905 г. ознаменовало начало эпохи «санинства»^{16*}, и даже лишь немного зная социальную жизнь

¹² Ср.: Levy H. *Soziologische Studien über das englische Volk*. Jena, 1920. S. 44 ff.

народа, можно смело предсказать, что после вероятного падения большевиков, те, которые сегодня лишь тайком и с оглядкой на ГПУ взирают на богатство «нэпманов», «спекулянтов» и «спецов», «кулаков», совершенно иначе оценили бы его и проштамповали бы его допуск в общественную жизнь. В критическом анализе, по необходимости кратком, невозможно достаточно полно рассмотреть затронутые явления и раскрыть присущее им необходимое содержание. Ограничимся лишь следующим: если «революцию» и «реакцию» вообще можно сконструировать из «высвобождения влечений» и их «торможения», то следует отметить, что стремление «разрядиться» вполне может быть использовано в реакционных целях и де-факто достаточно часто служило им. Однако автор с помощью иных рассуждений выстраивает некий мост между своей концепцией: реакция = принуждение = восстановление порядка и социологическим понятием реакции, нацеленной на восстановление прошлого состояния общества; для него конкретный общественный порядок = общественный порядок вообще. Революция, конечно, приводит к некоторым, но в целом незначительным изменениям в социальной структуре; но — если смотреть в светских терминах — общество возвращается к состоянию равновесия, которое предполагалось ранее. — Это допущение подтверждается чисто формальным определением социального порядка. Например, нельзя представить себе развитую социальную жизнь, при которой убийство не было бы запрещено законом и сурово наказывалось. Если абсолютная монархия и демократическая республика наказывают убийство одинаково, то от этого они не становятся равными по сути политико-социальными явлениями. Или другое: защита собственности. Сословное государство, буржуазно-капиталистическое общество, социалистическое сообщество — все они защищают собственность, но социологическое исследование, признавая эту защиту, в каждом конкретном случае не может пренебречь вопросом о характере этой охраняемой собственности.

Третий методологический прием, служащий рациональному оправданию по-человечески так понятного неприятия революции, связанного с судьбой автора, состоит в том, чтобы как можно короче обрезать дальнейшую историю. Однако через длинные цепочки событий революции связаны не только с прошлым, но и с будущим. Французская революция, безусловно, принесла человечеству много ужасов, крови и слез; но в отдаленных последствиях она способствовала созданию общественного устройства, гарантирующего человеку более высокий уровень безопасности, прав и свободы самоопределения, а значит и достоинства, чем любая другая¹³. Это могут оспорить писатели, которых Макс Вебер жестко, прямо и реалистично назвал «сочинителями», которые так романтично воображают себе приукрашенное Средневековье, а в реальном Средневековье они не прожили бы и дня; которые тем сильнее поносят «идеи 1789 года», чем шире сами пользуются их результатами. В идеале можно, конечно, пожелать, чтобы результаты революции были

¹³ Аргументы, которые Сорокин выдвигает против этого «популярного воззрения» (с. 262), не выдерживают критики. Он рассуждает так: если революция допускает больше свобод на более поздней стадии, то это идет не от революции, а благодаря мирной деятельности населения, которое сыто революцией по горло. Это примерно то же самое, что утверждать: человек выздоровел не потому, что обратился к врачу, а потому, что он снова встал на ноги и занялся своими делами. Сорокин упускает из виду такую мелочь, что революция и законодательство, на которое она повлияла, изменили условия, при которых люди возобновили мирную деятельность. Пример Англии, привлекаемый Сорокиным для поддержки своего тезиса о либерализации социальных институтов и без революции, на самом деле доказывает прямо противоположное по следующим причинам: 1) в XVII в. Англия пережила две революции, разрушившие королевский абсолютизм в эпоху, когда на континенте он еще не вошел в зенит славы; эти революции глубоко повлияли на будущее развитие социальной и политической структуры Англии; 2) между 1830 и 1850 гг. Англия была на грани революции, и если ей удалось избежать ее, то, конечно, не из-за отсутствия революционной воли, а за счет решительных реформ, проводимых определенной группой правящих слоев на благо общества.

достигнуты мирно, то есть без революции («Счастлив народ, история которого скучна», — сказал Монтескье); но тот, кто взывает к духу истории, чтобы отвергнуть проекты смелых новаторских реформ как противоречащие практике, сам должен склонить голову перед этим духом там, где тот не дает обнаружить себя. К сожалению, история учит, что за малейший шаг на пути от животного состояния к духовности приходится расплачиваться огромными жертвами. Очень может быть, что в будущем мало что изменится. В антропологии Канта сказано: «Из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого»^{17*} — вот одно из самых горьких и в то же время самых верных слов, когда-либо сказанных великим человеком о человеке.

Было бы несправедливым не учесть, что Сорокин вносит весьма достойный вклад в социологию революции в частях книги, связанных с типологией. В параграфе «Деформация психики членов революционного общества» есть прекрасные суждения об интеллектуальных «иллюзиях революции» в духовной жизни революционного общества (с. 175). Иллюзионизм, выражающийся в бегстве от реальности, заходит тем дальше, чем ужаснее наличные условия жизни и чем настойчивее требуют они своей сверхкомпенсации в идее скорой смены эпох. «И народ, ходящий во тьме, увидит свет великий»^{18*}; поскольку он поступает так, он пребывает в состоянии особой восприимчивости и нечувствительности к страданиям, которые испытывает.

Также части 3 и 4, где рассматриваются изменения в структуре социального агрегата и социальных функций в революционное время, содержат в деталях много хорошего. В целом они, конечно, страдают от того, что автор не признает связь между революцией и социальной динамикой, иначе он не сохранил бы выросшее из иррациональных глубин предубеждение о, в конечном итоге, бессмысленности революций; поэтому он часто обращается к идее социального порядка, которая, очевидно, является ультралиберальной по своей природе. Во всяком случае, у Сорокина есть странное замечание о том, что вмешательство правительства в экономику «является неуместным» (с. 263). Попытка воздать должное социальной динамике все время сталкивается с необходимостью держаться концепции нормальности общества, допускающей лишь мелкие отклонения от нормы.

Одна из лучших глав — глава «Причины революций». Можно лишь пожалеть о том, что она такая короткая и помещена в самый конец книги. В той мере, в какой революцию вообще можно интерпретировать с точки зрения психологии влечений, в ней это, наверное, достигнуто. Автор не довольствуется описанием бедствий, с которых начинаются многие истории и социологии революций, но действительно проникает вглубь, точно указывая на отдельные потребности, которые подавлены и требуют высвобождения, действительно метко описывает отдельные влечения, требующие удовлетворения. В связи с этим он рассуждает о важности войн — и прежде всего, конечно, войн неудачных — для начала революций и адресует политикам, которые не насытились войной против «внешнего врага», но горько сетуют на революции, золотые слова (с. 320) — слова, которые следует внимательно изучить, особенно симпатизирующим антиреволюционному настрою Сорокина.

То, что поражает в обращении Сорокина с литературным аппаратом, так это то, что он, очевидно, не знает о литературе, опубликованной на немецком языке по социологии революции, за исключением очерка Фиркандта в «Ежегоднике» Шмоллера¹⁴. В более ранней литературе все-таки еще можно найти такие достижения, как, например, вдумчивая книга А. Бауэра, которая, правда, скорее компилятивна, чем по-настоящему глубокое сочинение, и интеллектуальное исследование Г. Ландауэра, в котором, по общему мнению,

¹⁴ См.: *Vierkandt A. Zur Theorie der Revolution // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung. 1922. Bd. 46. Hf. 2. S. 19–20.*

понятию революции придается слишком широкое содержание. Из авторов, занимавшихся феноменом революции позже, не упомянуты Зомбарт¹⁵, Михельс, Тённис, фон Визе, Л. М. Гартман, Ледерер, Зенде, Ганс Блох, Курт Блох, К. Гейер, Фреймарк, рецензент и многие другие. Хотя Гайгер упомянут не Сорокиным, а в предисловии Касполя в примечании как «воспевающий революцию» (с. 27, примечание 1). К чему относится такая характеристика, не вполне ясно, но еще меньше ясно примечание 2 на той же странице, где Маркс на удивление объявлен модернизатором взрывной техники!¹⁶ Бедный Маркс! Если бы он знал лишь малую толику того, что он якобы натворил и наговорил, он бы воскликнул: «Я не марксист!», если бы уже не заявил этого раньше^{19*}.

В целом достойно сожаления, что Сорокин не написал социологию революции десять лет спустя, когда смог бы набрать бóльшую дистанцию в отношении своего опыта. Саму социологию революции, безусловно, еще предстоит создать, точно так же как Сорокин ее еще не создал, но он подошел к этой цели ближе многих других.

Комментарии и примечания

^{1*} В русских текстах сохранены элементы оформления в немецких источниках: разреженный шрифт, курсив, внутритекстовые ссылки на страницы рецензируемой книги Сорокина и постраничные сноски рецензентов. Затекустовые комментарии и примечания переводчика обозначены арабскими цифрами со звездочкой (*).

^{2*} Перевод с немецкого на русский язык выполнен по изданию [1].

^{3*} Масарик, Томаш (1850–1937) — политик, философ и социолог, президент Чехословакии в 1918–1935 гг., знакомый П. А. Сорокина.

^{4*} Хейс (Hayes) Эдвард (1868–1928) — американский социолог, подготовивший «Предисловие издателя» к книге Сорокина «Социология революции».

^{5*} Реферируя биографический очерк, включенный в «Предисловие издателя» книги, рецензент опускает некоторые факты: в частности, Сорокин после помилования сначала вернулся к преподавательской работе в Петроградском университете, защитил магистерскую диссертацию, в 1922 г. был выслан вместе с другими антисоветски настроенными гуманитариями на «философском поезде».

^{6*} В рецензии неточность. В «Предисловии издателя» к американскому изданию книги «Социология революции» указано: «Он решил отправиться в Америку, где русские рабочие, серьезно готовившиеся к участию в реорганизации России, когда им представится возможность вернуться на родину, избрали Сорокина одним из своих лидеров», цит. по: [2, с. 720].

^{7*} Рецензент приводит оценку У.Абботта, помещенную на первой странице суперобложки американского издания книги.

^{8*} Термин образован рецензентом от слова «бестия» (*лат. bestia* — зверь), означающего, согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, плута, пройдоху. Однако для европейского уха это слово не имеет бранного значения и означает некую первобытную, близкую к природе силу. В этом значении оно использовано рецензентом.

^{9*} При описании воздействия голодания на психику человека Сорокин в «Социологии революции» ссылается на свою книгу «Голод как фактор», подготовленную к печати в 1922 г. в Советской России. После высылки автора из страны отпечатанные типографские листы книги были уничтожены по решению цензуры, а набор рассыпан. Книга полностью восстановлена в 2003 г.

^{10*} Перевод с немецкого на русский язык выполнен по изданию [3].

^{11*} Перевод с немецкого на русский язык выполнен по изданию [4].

¹⁵ Упоминание Зомбарта на с. 31 относится лишь к его различению исторического и социологического подходов.

¹⁶ В этом примечании указано со ссылкой на книгу: *Kulczycki L. Geschichte der russischen Revolution. Bd. 2.* [История русской революции. Т. 2]. Gotha, 1913. S. 514, что Маркс является сторонником террористических методов борьбы русских революционеров и организовал, по словам Петра Лаврова, сказанным в одной частной беседе, специальные эксперименты по усовершенствованию взрывчатки.

^{12*} Ресентимент — сочетание смутной ненависти, зависти и враждебности при ощущении собственного бессилия против общественного устройства. Понятие ввел философ Ф. Ницше, разработал социолог М. Шелер (M. Scheler, 1874–1928).

^{13*} Перевод с немецкого на русский язык выполнен по изданию [5].

^{14*} Мюскадины, или золотая молодежь, — группы молодежи из богатых семей в послереволюционной Франции, скрытые роялисты, настроенные контрреволюционно, занимались травлей якобинцев и членов Конвента, вотировавших в 1793 г. казнь короля Франции, нападая на них в общественных местах. Особенно активны были в 1794–1795 гг. Одевались щегольски. См. подробнее: [6].

^{15*} В «Декларации о спорте» короля Англии Якова I (известна как «Книга о спорте»), принятой в 1617 г., указаны допустимые виды спорта и других развлечений по воскресным и праздничным дням при условии участия в утреннем церковном богослужении.

^{16*} Термин образован от названия нашумевшего декадентского романа «Санин» (1907) русского писателя М. Арцыбашева (1878–1927). Фабула романа описывает настроения молодежи во второй фазе революции 1905–1906 гг. в России (период реакции). В книге «Социология революции» этот роман и некоторые другие литературные произведения привлечены Сорокиным для иллюстрации «разнуздания половых рефлексов», см.: [7, с. 349].

^{17*} Цит. по: [8, с. 19].

^{18*} Исаяи 9: 2.

^{19*} Фраза Маркса, приведенная рецензентом, была произнесена в связи с недовольством тем, как его зятя французские социалисты Ш. Лонге и П. Лафарг трактовали марксизм. Фразу подтверждают Ф. Энгельс и биограф Маркса Ф. Меринг, см.: [9, с. 324; 10, с. 551].

Литература

1. Meuter H. Sorokin, Pitirim A.: The Sociology of Revolution. Philadelphia, 1925, XII, 428 S. (Lippincott Company) // *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*. 1925/1926. Jg. 5. Hf. 4. S. 461–464.

2. Сапов В. В. Комментарии // Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. 2-е изд. М.; СПб., Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 651–760.

3. Jenny E. Sorokin Pitirim, Prof. der Soziologie a.d. Universität Minnesota, früher Prof. an der Universität St. Petersburg: Die Soziologie der Revolution. Ins Deutsche übersetzt von Dr. Hans Kasspohl, Major a.D. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1928. 360 S. // *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*. 1929. Jg. 5. Hf. 1. S. 77–79.

4. Bubnoff N. Sorokin Pitirim: Die Soziologie der Revolution. Ins Deutsche übertragen und mit einer Einleitung versehen von Dr. Hans Kasspohl. J. F. Lehmanns Verlag, München 1928. 360 S. // *Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft*. 1928. Jg. 85. Hf. 2. S. 387–391.

5. Meusel A. Sorokin Pitirim: Soziologie der Revolution. Übersetzt von Kasspohl. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1928 // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1928. Bd. 60. S. 206–210.

6. Тарле Е. В. Жерминаль и Прериаль. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

7. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. 2-е изд. М.; СПб.: Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021.

8. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 12–28.

9. Энгельс Ф. Ф. Энгельс — Эдуарду Бернштейну в Цюрих. Лондон, 2–3 ноября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. М.: Изд-во полит. лит., 1964. С. 321–326.

10. Меринг Ф. Карл Маркс. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956.

References

1. Meuter H. Sorokin, Pitirim A.: The Sociology of Revolution. Philadelphia, 1925, XII, 428 S. (Lippincott Company). *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*, 1925/1926, Jg. 5, Hf. 4, S. 461–464.

2. Sapov V. V. Commentary. In: Sorokin P. A. *Leaves from a Russian diary. Sociology of revolution*, comp., prep. of the text, ed. art. and comment. by V. V. Sapov. Center for Humanitarian Initiatives. 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Syktyvkar, Anbur Publ., 2021. (In Russian)

3. Jenny E. Sorokin Pitirim, Prof. der Soziologie a.d. Universität Minnesota, früher Prof. an der Universität St. Petersburg: Die Soziologie der Revolution. Ins Deutsche übersetzt von Dr. Hans Kasspohl,

- Major a.D.München: J.F.Lehmanns Verlag, 1928. 360 S. *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*, 1929, Jg. 5, Hf. 1, S. 77–79.
4. Bubnoff N. Sorokin Pitirim: Die Soziologie der Revolution. Ins Deutsche übertragen und mit einer Einleitung versehen von Dr. Hans Kaßpohl. J. F. Lehmanns Verlag, München 1928. 360 S. *Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft*, 1928, Jg. 85, Hf. 2, S. 387–391.
5. Meusel A. Sorokin Pitirim: Soziologie der Revolution. Übersetzt von Kaßpohl. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1928. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1928, Bd. 60. S. 206–210.
6. Tarle E. V. *Gherminal and Prairial*. Moscow, The Academy of Sciences of the Soviet Union Press, 1957. (In Russian)
7. Sorokin P. A. *Leaves from a Russian diary. Sociology of revolution*, comp., prep. of the text, ed. art. and comment. by V. V. Sapov, Center for Humanitarian Initiatives, 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Syktyvkar, Anbur Publ., 2021. (In Russian)
8. Kant I. The Idea of Universal History in World-Citizenship. In: Kant I. *Collected Works*, Vol. 8. Moscow, Choro Publ., 1994, pp. 12–28. (In Russian)
9. Engels F. F. Engels to Eduard Bernstein in Zurich. London, 1882, November 2–3. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*, vol. 35. Moscow, Poilitical Literature Publ., 1964, pp. 321–326. (In Russian)
10. Mehring F. *Karl Marx*. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ., 1956. (In Russian)